

*Посвящается моей семье —
потому что невозможно стать личностью
и прожить жизнь в одиночку.*

Пролог

Май, восемь лет назад

Кровь у меня на руках, на одежде, на подошвах, даже волосы забрызганы кровью. На груди алеет огромное пятно, и, проведя языком по губам, я, к собственному ужасу, чувствую металлический привкус.

По сверкающему кухонному полу медленно расползается багровая лужа. И я, наконец, понимаю: выжить после такой потери крови не может никто, даже чудовище, застывшее у моих ног.

Меня трясет, я все еще под действием адреналина. Бутылка с отбитым дном выскальзывает из моих ослабевших пальцев, падает на каменный пол, разбивается вдребезги, и я оседаю на пол.

Кровь пропитывает джинсы.

Стоя на коленях, пристально смотрю на своего мучителя. Его остекленевшие глаза расфокусированы, кожа приобрела неестественный голубоватый оттенок. Если бы я была смелее, я бы приложила

ухо к его груди, чтобы убедиться, что его холодное черное сердце навсегда перестало биться. Но я не в силах заставить себя прикоснуться к нему, даже сейчас. Даже сейчас, когда он больше не сможет сделать мне ничего дурного.

«Он сдох. Наконец-то он сдох».

Я слышу собственные сдавленные рыдания. Впервые за много лет я могу вздохнуть свободно. Снова судорожно всхлипываю. Боже, как хорошо! И вот, наконец-то, слезы — слезы застилают мне глаза, текут по лицу.

Я знаю, что не должна чувствовать облегчения. Знаю, что утрату следует оплакивать. Но я не могу. Не могу горевать о *нем*. Может быть, я злобное, бездушное создание. Но я знаю одно: сегодня ночью я, наконец, встретила со своим кошмаром лицом к лицу и выжила.

Он мертв. Он больше ничего мне не сделает, никогда больше не причинит мне боли. Он мертв.

Проходит еще несколько секунд, и приходит осознание.

О боже. Он *мертв*.

Руки дрожат. Передо мной труп в луже крови, точнее, даже в море крови. Одежда пропитана кровью. Крошечные багровые точки покрывают мои книги и тетради, а одна крупная капля застилает лицо Линкольна на странице раскрытого учебника истории.

Я содрогаюсь всем телом, словно от холода.

Рассматриваю руки, чувствуя себя леди Макбет. «Прочь, проклятое пятно!» Вскликаю на ноги и бросаюсь к кухонной раковине, оставляя за собой алые следы.

Начинаю яростно тереть ладони губкой. Его кровь въелась в кутикулу, в кожу под ногтями. Я в ужасе понимаю, что не могу ее оттереть, но тут же забываю об этом, заметив, что руки буквально по локоть в крови. Старательно смываю страшные багровые пятна и брызги. Но как избавиться от крови, пропитавшей футболку, от бурых сгустков, склеивших волосы?

Всхлипываю. Нет, все бесполезно. Ничего не выйдет.

Твою мать.

Тяжело опершись о гранитную столешницу, я рассматриваю розовые лужицы, которые образовала смешанная с кровью вода, стекающая с моих рук. Они везде — на столе, на полу, в раковине.

Мне от этого не скрыться, не избавиться.

Невольно бросаю взгляд на тело. На мгновение меня охватывает иррациональный страх: вот сейчас отчим поднимется и набросится на меня. Но труп, естественно, так и лежит неподвижно; я прихожу в себя и начинаю обдумывать создавшееся положение.

Что же мне теперь делать? Позвонить в полицию? Закон защищает права несовершеннолетних. Меня не посадят в тюрьму, просто отвезут в участок на допрос.

А вдруг они решат сделать из меня козла отпущения? Ведь я убила не просто какого-то там рядового гражданина. Я убила очень, очень богатого и влиятельного человека, из тех, кто в состоянии купить и полицию, и судей. И неважно, что это была самозащита. Даже после смерти такие, как он, выходят сухими из воды.

А кроме того, мне придется рассказать все — все, от начала до конца.

Голова кружится, подступает тошнота.

Выбора нет, придется сдаться. И тут приходит спасительная мысль.

Гад, истекающий кровью на полу нашей кухни, знал одного человека, который, в свою очередь, знал еще кое-кого. Типа, который помогает клиентам выбираться из безвыходных ситуаций. Для того чтобы уладить дело, требуется лишь продать частицу собственной души.

И никаких копов, никаких щекотливых вопросов, ни приемной семьи, ни тюрьмы.

И знаете что? Я понимаю, что готова отдать этому неизвестному всю свою душу, целиком — все, что от нее осталось. Мне ничего не нужно, только бы уйти из этого дома свободной и забыть о прошлом.

Я бросаюсь к ящику кухонного стола, где хранятся всякие мелочи, и руки так сильно дрожат, что мне не сразу удастся его выдвинуть. Но я буквально за несколько секунд нахожу нужную визитную карточку и читаю то, что там написано вместо

имени, телефона и адреса. На карточке напечатана одна-единственная фраза, и я должна прочесть ее вслух.

Сердце сжимается от страха. После того, как я это сделаю, возврата не будет.

Взгляд мечется по залитой кровью кухне. «Для тебя возврата назад уже нет».

Я сжимаю кусочек картона во влажной ладони. Глубоко вдохнув, я произношу магические слова.

— «Торговец, я хочу заключить сделку».

Глава 1

Наши дни

Папка шлепается на стол прямо передо мной.

— Тебе почта, подруга.

Я делаю глоток горячего кофе из кружки и поднимаю взгляд от ноутбука.

Темперанс Дарлинг*, сокращенно «Темпер» — Богом клянусь, ее действительно так зовут — мой деловой партнер и лучшая подруга, стоит посреди офиса и хитро улыбается.

Я убираю ноги с письменного стола и поддвигаю папку к себе.

Она небрежно машет рукой.

— На сей раз легкие деньги, дорогуща.

У нас каждый раз легкие деньги, и ей это прекрасно известно.

* Temperance — умеренность; darling — дорогая; temper — раздражительность (англ.).

Темпер с видом собственного превосходства оглядывает мой кабинет, помещение размером с чулан. У нее точно такой же.

— Сколько предлагает клиент? — спрашиваю я, снова закидывая ноги на стол.

— Клиентка. Двадцать кусков за одну встречу с объектом — причем ей уже известно, когда и где можно его перехватить.

Я издаю восхищенный свист. Действительно, плевое дело, а не работа.

— И когда же произойдет это свидание? — спрашиваю я.

— Сегодня в восемь вечера, «Фламенко». К твоему сведению, это шикарный ресторан, так что... — взгляд Темпер останавливается на моих выдавших виды ботинках — ...ты не можешь идти туда в *этом*.

Я закатываю глаза.

— О, и еще: он будет там с друзьями.

Ну вот, а я уже размечталась вернуться домой пораньше.

— Ты хоть примерно знаешь, что нужно этой женщине? — недовольно бурчу я.

— Клиентка считает, что ее дядя, наш объект, злоупотребляет своим положением опекуна матери, то есть бабки нашей клиентки. Она подала на этого человека в суд, но хочет немного сэкономить на адвокатах и получить признание, так сказать, из первых рук.

Меня охватывает знакомое возбуждение, становится жарко, сердце бьется чаще. У меня появился

шанс помочь пожилой даме и одновременно наказать человека, совершающего самое мерзкое из всех преступлений — того, кто пользуется беспомощностью члена своей семьи.

Темпер замечает румянец на моих щеках, и некоторое время пристально смотрит мне в лицо. Протягивает руку, но вспоминает, где и с кем находится. Бывают мгновения, когда даже она не находит в себе сил сопротивляться моим чарам.

Она резко отшатывается.

— Детка, ты настоящая извращенка, черт бы тебя побрал.

И это совершеннейшая правда.

— Рыбак рыбака видит издалека.

Темпер насмешливо фыркает.

— Можешь называть меня «Нечестивой Ведьмой Запада».

Но Темпер — вовсе не ведьма. Она существо гораздо более могущественное.

Подруга вынимает из кармана телефон и смотрит на экран.

— Вот черт, — недовольно бросает она. — Я бы охотно осталась с тобой поболтать, но мой следующий объект будет в кулинарии «У Луки» меньше чем через час. А сейчас как раз обеденный перерыв, и в городе такие пробки... Мне правда не хотелось бы при помощи колдовства расчищать себе дорогу на четыреста пятом шоссе, как Моисею, ведущему свой народ через Красное море. Со стороны подобные штучки выглядят подозрительно. — Она

поднимается, запихивает телефон обратно в карман. — Когда Эли возвращается?

Эли — наемник, «охотник за головами»; иногда он работает на нас, иногда — на *политию*, правоохранительные органы мира сверхъестественных существ. Помимо всего прочего, Эли — мой бойфренд.

— Мне очень жаль, Темпер, но его не будет еще неделю. — Я сообщаю эту печальную новость довольно-таки легкомысленным тоном.

Но это же плохо и неправильно, скажете вы. Дурно радоваться тому, что твой бойфренд уехал, ты осталась одна и можешь свободно распоряжаться своим временем.

Наверное, точно так же неправильно говорить, что его любовь подавляет и душит меня. Я даже боюсь думать о том, что с нами будет дальше, и в глубине души считаю, что нам вообще не следовало начинать эти отношения.

Первое правило нашего сообщества: не встречаться с коллегами. Но однажды вечером, полгода назад, когда наша компания после работы отправилась в бар, я послала все к чертовой матери и нарушила это правило. А потом еще раз, и еще, и еще.. пока в один прекрасный день не обнаружила, что у меня появился бойфренд. А я в тот момент вовсе не нуждалась в бойфренде.

— Тьфу ты, — расстроено восклицает Темпер, откидывая голову назад и поднимая взгляд к потолку. Ее афроприческа при этом слегка колы-